

Парвин Дарабади.

Доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Бакинского государственного университета, автор более 100 научных, учебно-методических и научно-популярных работ по проблемам военно-политической истории, геополитики, конфликтологии. В их числе монографии: "Военные проблемы политической истории Азербайджана начала XX века" (1991 г.), "Геополитическое соперничество в Каспийском регионе и Азербайджан" (2001 г.), "Геоистория Каспийского региона и геополитика современности" (2002 г.) и др.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО НА КАВКАЗЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (геоисторический очерк)

Резюме

Статья посвящена анализу геополитических процессов в Кавказском регионе в начале XX века. В ней показываются основные геостратегические цели, преследовавшиеся Россией ("белой" и "красной"), Англией, Германией и Турцией. Особое внимание уделяется объяснению причин, условий и факторов, определивших контуры геополитического противоборства за Кавказ в ходе и по окончании Первой мировой войны. Выводы автора могут быть интересны также и с точки зрения понимания глубинных причин нынешней геополитической ситуации в регионе.

Начало XX века ознаменовалось превращением Кавказского региона в один из важнейших геостратегических центров, оказывавших существенное влияние на ход Первой мировой войны и военно-политических событий на Среднем Востоке. Не случайно классик немецкой геополитики Карл Хаусхофер включал Кавказ в мировую карту "зон боевых действий на границах континентов"¹.

В начавшейся в 1914 году Первой мировой войне Кавказ занимал не последнее место в планах противоборствовавших военно-политических группировок — Антанты и Тройственного союза. В ответ на стремление России "водрузить знамя православия над Константинополем" Османская империя стремилась захватить Кавказ и Крым, мечтая объединить под своим главенством все мусульманские народы, включая "долины Волги и Камы" с тюркским населением². Германия же имела виды на Кавказ, его природные ресурсы. В книге "Кавказ в мировой войне", опубликованной в 1916 году в Веймаре, отмечалось, что "наши политики должны думать над тем, чтобы после поражения России организовать христианскую Грузию в виде южнокавказского буферного государства", которое должно было "граничить с нейтральным кавказским мусульманским государством вблизи границ России и Турции". Причем немцы надеялись, что "Турции с помощью Германии удастся насильственно вырвать Кавказ из когтей русских"³. В целом этому региону уделялось существенное внимание в проектировавшейся немцами стратегически важной железной дороге Багдад — Хамадан — Тегеран, которая должна была стать ответвлением Багдадской железной дороги⁴.

Тем не менее Кавказский фронт играл в Первой мировой войне все же второстепенную роль, ибо исход боевых действий решался на Западном и Восточном европейских фронтах.

Что же касается событий на кавказском театре военных действий, то попытка Турции перехватить в их начальный период инициативу потерпела неудачу. В конце 1914 — начале 1915 годов русская Кавказская армия успешно провела Сарыкамышскую операцию. Кроме того, в конце января 1915 года русские войска овладели занятым накануне турками Тебризом и вскоре вытеснили их из Южного Азербайджана. В том же году русский экспедиционный корпус, высадившись в Энзели, занял Хамадан, Кум и подошел к Исфагану. На юге Ирана еще раньше высадились английские войска.

Весной 1916 года, начав наступление по всему Кавказскому фронту, русские войска взяли Эрзерум, а затем и Трапезунд. Летом того же года Кавказский фронт продвинулся в глубь турецкой территории почти на 250 км⁵.

Однако грандиозные социально-политические катаклизмы в России, начавшиеся Февральской революцией 1917 года и приведшие после Октябрьского большевистского переворота к Гражданской войне на просторах бывшей гигантской империи, вызвали к жизни мощные центробежные силы, обусловившие начало "откалывания" окраинных регионов, в том числе Закавказья. Что же касается позиций лидеров белого движения, выступавших по отношению к указанному региону с идеей восстановления "единой и неделимой России", то они в целом совпадали с политикой вождей большевистской революции, приверженных лозунгам "мировой революции", — любой ценой удержать Закавказье в российском геополитическом пространстве.

В условиях продолжавшейся войны геополитическая борьба между Антантой и Тройственным союзом, а также появление нового, враждебного обеим группировкам военно-политического фактора — Советской России, борьба за установление своего контроля над всем Кавказско-Каспийским регионом приобретала приоритетный характер на Среднем Востоке. Ключом же к достижению этой геостратегической цели был крупнейший промышленный центр Кавказа — Баку, дававший в канун войны около 80% российской и 15% мировой нефти⁶. Захват этого крупнейшего промышленно-финансового центра Кавказа и порта на Каспии открывал широкие перспективы для установления полного контроля над всей акваторией Каспийского моря. К тому же в Баку были сосредоточены десятки нефтеперерабатывающих заводов, другие крупные промышленные предприятия. Важным военно-стратегическим фактором являлось и прохождение по территории Азербайджана магистральных железнодорожных, шоссейных и грунтовых дорог, соединявших все основные регионы Закавказья с Северным Кавказом, а также сооруженный в 1907 году нефтепровод Баку — Батум, захват которых создал бы серьезную угрозу для всей хозяйственно-экономической жизни Кавказа.

"Баку — такая красавица, которую всякий иноземный искатель приключений хочет похитить из родного дома", — так, весьма образно, в тот период охарактеризовал международное значение Баку народный комиссар по иностранным делам РСФСР Г.В. Чичерин.⁷ В свою очередь, белогвардейцы считали этот город "черной жемчужиной Каспия". "Бакинская нефть особенно крепко владела умами и чувствами европейских и азиатских политиков, — писал в своих "Очерках русской смуты" генерал А.И. Деникин. — С весны (1918-го.— П.Д.) началось резкое соревнование и "бег впереди" в области войны и политики к конечной цели — Баку — англичан с Энзели, Нури паши (брат Энвера) через Азербайджан и немцев через Грузию"⁸. Ослабление позиции России в Закавказье в результате вывода частей русской армии с Кавказского фронта и, в особенности, заключение 3 марта 1918 года германо-советского Брест-Литовского, "похабного", по выражению самого В.И. Ленина, мирного договора, стимулировали проявления сепаратизма, обострили в этом регионе межнациональные отношения и социально-политические конфликты.

В свою очередь, У. Черчилль опасался, "что отныне (т.е. после подписания этого договора. — П.Д.) германские армии... смогут пользоваться житницами Украины и Сибири, нефтью Каспийского побережья и всеми вообще ресурсами огромной страны"⁹.

В столь благоприятных для них условиях противоборствующие Германия и Турция, с одной стороны, и Англия — с другой, прилагали значительные усилия, направленные на

свое утверждение в Закавказье, преследуя при этом далеко идущие геополитические цели. Причем даже у входивших в один блок Германии и Турции устремления в этом регионе совпадали не полностью, а в их взаимоотношениях наблюдались элементы скрытого соперничества, что давало англичанам большое преимущество.

Планировавшийся турецким военным командованием захват Владикавказа и Баку, с выходом к западному побережью Каспия, во многом способствовал бы реализации пантюркистской идеи — объединения под эгидой султанской Турции всех мусульманских народов Кавказа и Туркестана, создание Великого Турана.

Эта тенденция турецкой внешней политики вызвала серьезное беспокойство германских союзников Турции, которые стремились использовать ее войска в планировавшихся германским генштабом боевых операциях против англичан в Северной Персии. "В Северной Персии турки могли иметь превосходство над англичанами... — отмечал генерал Людендорф. — Но Энвер и турецкое правительство больше думали о своих панисламистских целях на Кавказе, чем о войне с Англией"¹⁰.

Стремление установить контроль над Закавказьем — в особенности над Азербайджаном (Баку) и Каспием — являлось одним из традиционных и приоритетных направлений британской политики на Среднем Востоке и вполне вписывалось в ее основную геополитическую концепцию в отношении Евразии в целом.

Так, в своей книге "С русской армией в 1914—1917 гг." бывший военный представитель Великобритании в России генерал Нокс писал, что вся политика Англии, "привыкшей думать веками и континентами", была в течение всего XIX и начала XX столетий направлена на то, чтобы лишить Россию выхода к открытому морю. Это уже не впервые, когда Каспий и дороги, ведущие к нему, привлекают внимание англичан, — напоминала лондонская "Таймс"¹¹. "Будущее Великобритании будет решаться не в Европе, — отмечал лорд Дж. Керзон, — а на континенте, куда пришли наши первые эмигранты и куда потомки вернулись уже как завоеватели, а... Туркестан, Афганистан, Каспий, Персия лишь часть шахматной доски, где ведется игра за мировое господство"¹².

Координирующим центром всей военно-политической деятельности Англии на огромном геополитическом пространстве, охватывающем Ближний и Средний Восток, а также Кавказ и Центральную Азию, стал созданный в конце марта 1918 года так называемый "Восточный комитет", председателем которого был лорд Керзон. В состав этой структуры постоянно входили министр иностранных дел А. Бальфур, его заместитель лорд Сесиль, постоянный заместитель министра иностранных дел лорд Гардинг, начальник имперского генштаба Г. Вильсон, министр по делам Индии Э. Монтегю и начальник военной разведки генерал-майор Дж. Макдонэ¹³. Вместе с тем следует отметить, что на протяжении 1918—1919 годов в английских правительственных кругах не было единства взглядов по отношению к Кавказу и Ирану. Выступая в декабре 1918 года против амбициозных проектов Керзона в этом регионе, министр по делам Индии либерал Э. Монтегю отмечал: "В том, что касается обороны Индии, мне не кажется необходимым для нас думать о Кавказе. Я считаю, что этот район полностью находится вне наших интересов"¹⁴. Это было связано с тем, что Монтегю представлял те круги британского истеблишмента, которые в условиях борьбы за независимость, разгоравшейся в английских колониях от Каира до Калькутты, считали необходимым проводить на Востоке более гибкую политику, искать себе союзников в лице местных национальных сил.

В период Первой мировой войны идея создания сплошного пояса земель под британским контролем путем соединения трех "К" (Кейптаун — Каир — Калькутта) с четвертым "К"

(Канберрой) стимулировала новый мотив в политике Англии на Среднем Востоке — установление своего контроля над Каспием и Закавказьем, особенно над нефтяным Баку. "Союзники пришли к победе на волнах нефти", — констатировал Керзон в конце 1918 года¹⁵. Не случайно, что при обсуждении целей политики в Закавказье в ходе одного из заседаний председатель Восточного комитета Керзон, ссылаясь на необходимость "защищать Индию", выдвинул план длительной оккупации ключевых пунктов и коммуникаций этого региона, особо подчеркивая значение Баку и его окрестностей "с их обширными ресурсами"¹⁶. Ему вторил Бальфур, считавший, что нельзя упускать добычу — "Батум, Баку, железную дорогу и нефтепровод между ними", а его заместитель Сесиль говорил еще определеннее: "Англия должна владеть Баку просто из-за огромной ценности его нефтяных запасов"¹⁷. Следует учитывать и то, что в период Первой мировой войны на долю Англии приходилось 60% всех капиталовложений в бакинские нефтепромыслы¹⁸. По мнению французского сенатора Беранже, Англия стремилась создать гигантскую нефтяную зону — "от Египта до Бирмы, и от Кавказа до Персидского залива" — в противовес американской нефтяной империи¹⁹. Весьма любопытно, что американцы также считали "первоочередной задачей союзников занятие важнейших нефтяных районов Кавказа", для чего, как отмечала "Нью-Йорк таймс", было необходимо "подготовить крупные силы для их использования в Северной Персии и на Кавказе. Возможно, что это направление — важнейшее для союзников"²⁰.

В целом геополитический план Керзона предусматривал создание цепочки буферных государств, растянутых от северных границ Индии к Средиземному морю, которая служила бы щитом от нападений на Индию и основным связующим путем между Великобританией, Австралией и Новой Зеландией²¹. Центральным связующим звеном неизбежно становился Кавказско-Каспийский регион, в тот период занимавший особое место в военно-стратегических планах Англии. "Каспий — это узел, через который проходят все важнейшие торговые пути, — подчеркивала "Таймс", — и если мы только сейчас уделяем непосредственное внимание этому внутреннему морю, то это не значит, что нам было раньше ничего не известно о его торговой и политической ценности. Мы знали об этом давно. Каспий — один из старых британских интересов"²². В июне 1918 года британский военный министр А. Мильнер сообщил командованию английских войск в Месопотамии, что "правительство Его Величества придает... важное значение овладению постоянным контролем над Каспием"²³. Не случайно поэтому основной задачей, поставленной перед военными экспедициями генералов Л. Денстервиля и У. Маллесона, была оккупация крупных прикаспийских портов Энзели, Баку и Красноводска (ныне г. Туркменбаши) и захват всего Каспийского флота²⁴.

Это позволило бы Великобритании, во-первых, значительно ослабить позиции ее непримиримых конкурентов — Германии и Турции — на Ближнем и Среднем Востоке и таким образом не допустить возможной турецко-германской попытки обойти с фланга Западный Иран и через Закаспийскую область и Хорасан вторгнуться в Индию. Во-вторых, была бы нейтрализована исходящая от Советской России реальная революционно-большевистская угроза своим восточным колониальным владениям. И, наконец, в-третьих, установление контроля над Каспием позволило бы англичанам обеспечить приморские фланги своих войск в Закавказье и Туркестане, напрямую связаться с белыми армиями генерала А.И. Деникина на Северном Кавказе и адмирала А.В. Колчака на Урале, способствовать их соединению в устье Волги и таким образом отрезать весь юг России от ее центральных "красных" губерний.

Все это вполне вписывалось в основные геополитические цели Британии на Востоке — закрепление своих позиций на Ближнем и Среднем Востоке, отторжение Кавказа и Туркестана от России, захват нефтяных источников Ирана, Месопотамии и Азербайджана.

Оправданием же подобной политики служил традиционный тезис о необходимости "защиты подступов" к Британской Индии от наступления германо-турецких войск через ТрансКаспий, а также, как указывалось на совещании Кабинета министров 13 ноября 1918 года, "устранение большевизма к востоку от Черного моря"²⁵. К тому же, согласно секретной англо-французской конвенции, заключенной еще 23 декабря 1917 года в Париже, по которой Россия была поделена на "зоны действий", английскую долю составили Дон, Кавказ и Туркестан, то есть практически большая часть Каспийского региона²⁶. При этом правительство Англии уделяло Баку и Каспию особое внимание, как имеющим "большое военное, политическое и экономическое значение"²⁷. Уже в декабре 1917 года Кабинет министров принял решение об отправке в Баку и в Закавказье интервенционистских войск. Согласно полученному 24 декабря заданию, военная экспедиция, сформированная в обстановке особой секретности в занятом англичанами Багдаде и состоявшая из сравнительно небольшого, но отборного сводного отряда генерала Л. Денстервиля, должна была направиться по маршруту Багдад — Баку. На отряд же генерала У. Маллесона была возложена миссия следовать в Мешхед для дальнейшего продвижения в Восточный Прикаспий.

Заняв летом 1918 года североиранский порт Энзели, англичане усиленно готовились здесь осуществить высадку своих войск в Баку, предполагавшуюся в случае успешного антибольшевистского переворота там, который подготавливался эсеро-меньшевистско-дашнакским блоком. Впоследствии геополитическое значение Баку было достаточно четко сформулировано в мемуарах генерала Денстервиля: "Захват Баку нами привел бы к следующим последствиям: закрытию доступа к запасам нефти и закрытию дверей в Центральной Азии (курсив мой. — П.Д.)"²⁸.

Чрезвычайно большое значение Баку придавало и правительство Советской России. Его глава В.И. Ленин в беседе с начальником американской миссии Красного Креста в России полковником Р. Робинсом, состоявшейся в Кремле во второй половине марта 1918 года, подчеркивал: "В чем экономическое значение Баку для Российской Советской Республики? Это — нефть, свет, энергия"²⁹. Потеря нефтяного Баку неизбежно привела бы к коллапсу всей советской экономики, не говоря уже о геополитических последствиях потери всего Кавказско-Каспийского региона. Путем оказания всесторонней, в том числе и военной, помощи Бакинскому совнаркому, провозгласившему Бакинскую губернию составной частью РСФСР, большевистское правительство пыталось превратить Баку в плацдарм для дальнейшего распространения своего влияния на все Закавказье. Придавая большое значение этому региону, советское правительство предпринимало ряд экстраординарных мер по укреплению обороноспособности стратегически важной Астрахани, а также по усилению боеспособности своей военной флотилии на Каспии.

Весной 1918 года военно-политическое положение в Закавказье еще более обострилось. После вывода частей русской армии с Кавказского фронта и занятия 36-й турецкой дивизией Эрзерума (12 марта) путь турецким войскам в глубь Закавказья был открыт. 14 апреля турецкая армия заняла Батум, затем Карс, Ардаган и Александрополь.

Тем временем, 14 мая, Национальный совет Грузии обратился к Германии с просьбой, чтобы немецкие войска, оккупировавшие тогда часть Украины, Крым и Ростов, продолжали свой путь на Северный Кавказ и, приблизившись к границам Грузии, обеспечили ее защиту от внешней опасности. Уже 25 мая в Поти высадились 3 тыс. немецких солдат, а 30 мая в Тифлис прибыла германская дипломатическая миссия. Вскоре все железные дороги и водный транспорт Грузии, а также Чиатурские марганцевые рудники оказались под контролем немцев³⁰.

Ввод войск в Грузию, по свидетельству генерала Э. Людендорфа, давал Германии "средство, независимо от Турции, добраться до кавказского сырья и приобрести влияние на эксплуатацию дороги, идущей через Тифлис. Эта железная дорога имела огромное значение для ведения войны в Северной Персии, и эксплуатация ее под германским контролем была бы более успешна, чем при турецком содействии. Наконец, мы должны были попытаться усилиться грузинскими войсками, которые могли быть использованы против Англии"³¹.

Своеобразие ситуации заключалось в том, что Германия, в свою очередь, весьма ревниво относилась к планам Турции занять Баку, так как захват Баку входил в стратегические планы и германского военного командования — истощение запасов горючего вынуждало немцев, по признанию начальника генштаба Э. Людендорфа, как можно скорее "организовать эксплуатацию железной дороги Батум — Тифлис — Баку... Но основным вопросом во всем этом, конечно, было бы как напасть на Баку"³².

Обосновавшиеся в конце мая 1918 года в Грузии немцы планировали после занятия Баку перебросить по Каспию свои силы в контролируемый англичанами североиранский порт Энзели с последующим вторжением в Ирак и выходом (в районе Басры) к Персидскому заливу, что было бы сильнейшим ударом по позициям англичан на Среднем Востоке³³. Однако недостаток собственных ресурсов на Кавказе и обострение обстановки на Западном фронте не позволили немцам претворить в жизнь эти планы. В тот период они так и не успели завершить передислокацию в Закавказье своих войск для участия в наступлении на Баку (две дивизии и несколько полков). "Нури занял Баку прежде, чем мы успели закончить переброску войск, — сожалел Людендорф, — а последовавшие затем события в Болгарии заставили нас направить эти части в Румынию"³⁴.

После провозглашения 26 мая 1918 года Грузинской Республики, а через день, 28 мая, Азербайджанской и Армянской Республик, в Закавказье сложилась качественно новая военно-политическая ситуация. Основные усилия азербайджанского правительства Ф. Хойского были направлены на установление суверенитета над всей территорией страны, прежде всего над ее столицей, находившейся в тот период в руках большевиков. Здесь интересы Азербайджана и Турции совпадали, что и нашло свое отражение в Договоре о мире и дружбе, подписанном 4 июня 1918 года в Батуме. Согласно этому документу, Турция обязалась оказать молодой республике всестороннюю, в том числе и (в соответствии с IV пунктом Договора) военную помощь. Решение этой задачи было возложено на сформированную в июне в Гяндже объединенную Турецко-азербайджанскую кавказскую исламскую армию, которой командовал генерал-лейтенант Нури-паша. После занятия Баку турецкое командование планировало дальнейшее продвижение своих войск на Северный Кавказ, а в перспективе — и бросок через Каспий в Туркестан.

Союзники же турок — немцы — предлагали им план использования своих частей для обеспечения тыла наступавших на Баку в июне-июле турецких соединений. В случае претворения в жизнь этих замыслов Германия рассчитывала установить контроль над стратегически важной железнодорожной магистралью Батум — Баку. Однако турки разгадали намерения своего союзника и отклонили их, заявив, что для занятия Баку у них имеется достаточное количество войск³⁵.

Немцам не оставалось ничего другого, как втайне надеяться на неудачу Кавказской исламской армии на подступах к Баку. Как отмечал в своем донесении в Берлин от 4 июля генеральный консул в Тифлисе граф Фридрих фон Шуленбург, "представляется сомнительным, чтобы туркам вообще удалось взять Баку; вероятно, — и это было бы

желательно — они потерпят там основательное поражение"36. "Если мы любовно договоримся с большевиками, — считал немецкий дипломат, — то нефтяные источники Баку и тамошние запасы попали бы в наши руки в целости и сохранности. Если последние, вопреки ожиданиям, будут вынуждены покинуть город, то они подожгут весь Баку и тем самым ни турки, ни мы не сможем воспользоваться запасами нефти"37. Дальнейшие события показали, что опасения Шуленбурга оказались беспочвенными, так как бакинские большевики не пошли на столь крайние меры.

Неудачи на фронте привели в самом Баку к смене власти. 31 июля подал в отставку большевистский Совнарком во главе с С.Г. Шаумяном. 1 августа власть в городе перешла в руки коалиционного правительства, сформированного правыми эсерами, меньшевиками и дашнаками, — "Диктатуры Центрокаспия и президиума Временного исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов", официально, как было оговорено заранее, пригласившего англичан для обороны города от осадившей его турецкой армии.

Уже 4 августа в Баку высадился прибывший из Энзели английский отряд, а к середине августа здесь были сконцентрированы остальные воинские части "Денстервильфорса" численностью немногим более 1 тыс. штыков при 16 орудиях и нескольких броневиках38.

Однако в силу немногочисленности своих войск в тот период англичане не смогли удержать Баку. Лишь благодаря высокой боевой выучке и стойкости английских частей удавалось в течение месяца удерживать фронт. Однако было очевидно, что для обороны города этих сил явно недостаточно. Это понимали и в высших английских военных кругах. Так, согласно телеграмме военного министерства от 6 июля 1918 года, Денстервиллю было дано задание в случае угрозы занятия Баку турецкими войсками уничтожить нефтепроводы, нефтяные резервуары и нефтеперегонные установки, но не скважины, ибо здесь не терялись из виду долгосрочные интересы английских нефтяных компаний39. К тому же англичане учитывали и тот военно-стратегический фактор, что в конечном счете дело шло к скорому поражению Турции в мировой войне, и они не желали проливать большой крови за своих местных "союзников".

Между тем турецкое военное командование сосредоточило на подступах к Баку значительную группировку сил (5-ю и 15-ю дивизии неполного состава общей численностью 10 тыс. штыков при 40 орудиях)40. После предварительной артподготовки, ранним утром 14 сентября турецкие войска начали штурм и в тот же день заняли предместья города, а вечером англичане эвакуировались морем из Баку в Энзели. Утром 15 сентября в город вошла Кавказская исламская армия. 17 сентября туда же из Гянджи переехало азербайджанское национальное правительство.

Параллельно с этими событиями вокруг Баку разворачивалась и напряженная дипломатическая борьба. Еще 27 августа советское правительство подписало с Германией дополнительное соглашение к Брест-Литовскому договору, по которому немцы обязывались не поддерживать какой-либо третьей державы на Кавказе и взамен четверти добываемой в Баку нефти и нефтепродуктов не допустить сюда турок41. Однако в силу стремительно развивавшихся на фронтах мировой войны событий это соглашение так и осталось на бумаге. В свою очередь, занятие Баку турецкими войсками вызвало резкий протест советского правительства, выраженный в ноте Турции от 20 сентября, в которой последняя обвинялась в грубом нарушении Брест-Литовского договора (он фактически денонсировался)42. 21 сентября аналогичная нота была направлена германскому правительству — последнее упрекалось в невыполнении соглашения от 27-го, 14-я статья которого предусматривала, что немцы примут "меры к тому, чтобы турецкие войска отступили за линию Куры"43.

После занятия Баку турецкие войска, развивая наступление вдоль западного побережья Каспийского моря, вторглись в Дагестан, в октябре последовательно захватили Дербент и Порт-Петровск, выбив оттуда казачий отряд Л. Бичерахова, бежавшего морем к англичанам в Северную Турцию⁴⁴. Однако потерпевшая в Первой мировой войне поражение Турция, согласно условиям Мудросского перемирия, заключенного на борту английского крейсера "Агамемнон" 30 октября 1918 года, была вынуждена вскоре вывести свои войска со всего Кавказа, в том числе из Баку и Батума. Весьма любопытно, что еще в начале октября советское правительство подозревало о существовании тайного соглашения между Антантой и Турцией "о передаче Баку в ее руки"⁴⁵. 16 ноября англо-французская эскадра вошла в Черное море, а на следующий день в Баку вновь высадились прибывшие морем из Энзели части 39-й пехотной бригады (всего 1 тыс. британских и 800 индийских солдат и офицеров) во главе с командующим английскими войсками в Северной Персии генерал-майором В.М. Томсоном. Перед отплытием в Баку он, выражая позицию союзных держав, выступил с декларацией, в которой, в частности, отмечалось, что Баку с его нефтяными промыслами будет оккупирован, тогда как остальная часть страны останется под контролем азербайджанского правительства и его войск⁴⁶.

Показательно, что в своих первых прокламациях В.М. Томсон недвусмысленно отмечал, что союзные войска находятся "на земле России" и прибыли на Кавказ для "водворения общей безопасности на этой российской территории, расположенной между Черным и Каспийским морями"⁴⁷. "Окончательное решение, — как отмечалось в обращении английского генерала, — примет предстоящая мирная конференция, которая разрешит все вопросы, касающиеся данной территории"⁴⁸. Что же касается местного правительства, то ему было заявлено, что "Азербайджан не будет исключен из дискуссии относительно принципа национального самоопределения на Парижской мирной конференции"⁴⁹.

После того как войска Великобритании заняли и другие города Закавказья — Батум, Тифлис, Гянджу, Нахчыван, Шушу и пр. — англичане уделяли особое внимание наращиванию своей военной мощи в регионе. Причем Батум, где был сосредоточен их флот, являлся основной базой английских войск на Кавказе и именно через этот порт шла на Запад бакинская нефть. Всего же в конце 1918 года Англия держала в Закавказье 20-тысячную группировку войск. Не случайно одним из первых документов У. Черчилля (в его новом качестве военного министра) была записка, направленная 14 февраля 1919 года начальнику имперского Генерального штаба Генри Вильсону, в которой военный министр требовал сообщить ему сведения о том, "какова в настоящее время действительная роль английских вооруженных сил, удерживающих железную дорогу Баку — Батум, а также английских военно-морских сил, контролирующих побережье Каспийского моря?"⁵⁰

В целом же Черчилль высоко оценивал военно-стратегическое значение оккупации Закавказья. "Британские войска высадились в Батуме и быстро заняли Кавказскую железную дорогу от Черного моря до Каспийского, другими словами, до Баку. Они организовали флотилию судов, которая вскоре обеспечила им превосходство на Каспийском море. Британские войска оказались обладателями одной из самых больших стратегических линий в мире"⁵¹.

Подчинив себе Каспийскую военную флотилию и полторы сотни торговых судов, англичане в срочном порядке приступили к созданию на Каспии своих военно-морских сил. После занятия 13 января 1919 года Порт-Петровска на острове Чечень (у побережья Дагестана) англичане организовали здесь свою военно-морскую базу, а уже весной они располагали на Каспии, согласно советским разведанным, 18 крупными боевыми морскими единицами (из них 5 — вспомогательные крейсера, 4 — канонерские лодки)⁵².

Таким образом, с третьей попытки (после 1730—1740-х годов XVIII и начала XIX в.) Англии все же удалось обеспечить свое военно-морское присутствие на Каспии. А установление контроля над треугольником Баку — Красноводск — Энзели делало весьма реальными ее надежды на достижение полного господства над всей акваторией Каспийского моря со всеми вытекающими отсюда военно-стратегическими преимуществами. Это позволило англичанам усиленно снабжать по морю белогвардейские армии Деникина и Колчака вооружением, снаряжением и нефтепродуктами. Кроме того, по свидетельству главнокомандующего британскими силами в Закавказье генерала сэра Дж.М. Мильна, "присутствие британской армии также послужило полезной цели — предотвращению военных действий между войсками Добровольческой армии и армиями кавказских республик"⁵³.

Дело в том, что уже к концу 1918 года в политике англичан по отношению к закавказским республикам произошли весьма ощутимые изменения. 22 января 1919 года генерал Мильн заявил, "что не будет никакого вмешательства... во внутренние дела закавказских государств"⁵⁴.

Столь существенная корректировка политики официального Лондона в этом регионе не могла не вызвать подозрений (не лишенных оснований) деникинцев об истинных планах англичан в отношении России. Так, английский премьер-министр Д. Ллойд Джордж (как и лорд Керзон) считал, что неразделенная Россия "будет смертельной опасностью" для Британской империи и даже "для всеобщего мира". На заседании Кабинета министров (25 июля) он прямо заявил, что "весьма обеспокоен тем, что единая Россия будет огромной угрозой для нас на Востоке"⁵⁵. К тому же Англия намерена предоставить Ирану часть территории за счет России и Турции "при установлении границ Армении, Грузии, Азербайджана и Туркестана"⁵⁶. Заключение же англо-персидского договора (9 августа) еще более укрепляло позиции Англии в Южном Прикаспии. В свою очередь, деникинцы обвиняли англичан в "поддержании и содействии... сепаратизму этнографических групп Закавказья", и, как следствие этого, "реальная сила (имелась в виду Добровольческая армия. — П.Д.) осталась единственным средством для поднятия русского флага над Закавказьем"⁵⁷.

В то же время англичане всячески поддерживали дашнакских правителей Армении, которая установила союзнические отношения с Деникиным и была готова предоставить Антанте свою территорию, военный и экономический потенциал. В "награду" же она получила от Англии Карскую область и часть Эриванской губернии. Кроме того, весной 1919 года союзники фактически поощряли агрессивные действия Армении в отношении Нахчывана и Зангезура.

По мнению французских генштабистов, Англия в этот период преследовала на Кавказе две цели. Во-первых, "отбросить Россию на северный Кавказ и таким образом способствовать независимости Грузии и Азербайджана". Во-вторых, "не допустить создания в этом регионе государства, являющегося союзником возрожденной России и тем самым ставящего под удар отношения Англии с мусульманским миром"⁵⁸.

В целом же Антанта стремилась создать из государств Южного Кавказа своего рода "санитарный кордон", который стал бы одним из важных элементов гигантской "геополитической дуги": Балтика — Черное море — Кавказ — Каспий — Средняя Азия.

По мнению одного из руководителей Русского национального совета в Баку кадета Б. Байкова, при отсутствии "искренности в отношении англичан к России и, в частности, к

Деникину и Добровольческой армии, кроме их всегда и во всем двойственной политики, в частности и в Баку, политика эта делалась английскими военными людьми, прошедшими свою службу в колониях и, в особенности, в Индии, где ненависть к русским и убеждение о грозящей Индии со стороны России опасности, были основой деятельности ген. Томсона"⁵⁹. Еще было живо в памяти весьма острое русско-английское противостояние в Средней Азии во второй половине XIX века, едва не приведшее к открытой войне между этими державами.

В тот период нефтяной фактор занимал значительное место в политике официального Лондона в Кавказско-Каспийском регионе, хотя Керзон считал, что Англия не уделяла достаточного внимания важности нефти и нефтепровода (имелся в виду трубопровод Баку — Батум). Нефтяная стратегия была важной частью усилий по реализации планов установления английской гегемонии на Ближнем и Среднем Востоке, а также конкурентной борьбы с Францией и США. Тогда несомненный геополитический перевес в этом богатом нефтью регионе был на стороне Англии. Как в конце 1918 года отмечал председатель Биби-Эйбатской нефтяной компании Герберт Аллен, после того как "британские войска появились на Кавказе от Батума на Черном море до Баку на Каспийском море и от Владикавказа до Тифлиса... у британского правительства появляется блестящий случай оказать решающее влияние на колоссальную добычу в Грозном, Баку и закаспийских нефтяных месторождениях"⁶⁰.

Однако летом 1919 года Кабинет министров Великобритании принял решение о выводе ее войск из Закавказья.

Это было связано, во-первых, с изменившейся военно-политической ситуацией в России в связи с успехами деникинцев, заставивших Красную Армию перейти к стратегической обороне; во-вторых, с ростом национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах Востока — Египте, Индии, Афганистане, Турции и Иране — что, в свою очередь, требовало мобилизации значительных дополнительных военно-материальных ресурсов; в-третьих, в самой Англии правительство вынуждено было считаться с набиравшим силу массовым движением "Руки прочь от Советской России!", а также с всеобщей усталостью населения и армии от войны. К этому следует добавить и неудачную войну Англии в Афганистане (1919 г.), приведшую к независимости этой страны.

И все же Англия не собиралась окончательно терять свои позиции в Закавказье, в связи с чем приняла решение сохранить часть своих войск в Батуме, который продолжал оставаться ее базой на Черном море. К тому же, владея конечным пунктом нефтепровода из Баку, англичане могли контролировать и вывоз азербайджанской нефти. Параллельно с этим в мае 1919 года Англия предложила Италии послать войска для замены ими британских. Вначале правительство Орландо согласилось с таким предложением и даже стало готовить для этого 12-й армейский корпус, однако сменившее его правительство Нитти направило в Закавказье лишь миссию для выяснения общей обстановки в регионе⁶¹.

Что же касается чрезвычайно сложных взаимоотношений между Деникиным и Азербайджанской Республикой, то британское командование нашло выход из положения, и еще накануне вывода своих войск из Закавказья установило 5-мильную демаркационную линию между территорией, занятой белогвардейскими войсками, Азербайджаном и Грузией.

С середины 1919 года интерес к Закавказью начинают проявлять и США. Причем присланные сюда летом специальные миссии Кинга-Крейна и генерала Харборда считали, что только распространение мандата Соединенных Штатов на Турцию и все Закавказье может оправдать затраты, связанные с необходимостью направить туда крупные воинские контингенты⁶² (предполагалась отправка в этот регион 70 тыс. американских военнослужащих)⁶³.

В беседе с премьер-министром Армении, состоявшейся летом 1919 года, полковник Гаскель прямо заявил, что теперь вопросы Закавказья будут решать США и их вооруженные силы⁶⁴. В конце же сентября в Баку прибыла (по поручению президента В. Вильсона) американская миссия, возглавляемая начальником штаба американской армии во Франции генералом Харбордом, который считал, что "на Кавказе чувствуется необходимость сильной руки"⁶⁵.

В ходе Парижской мирной конференции, на заседании Совета глав делегаций, 1 ноября 1919 года было принято решение распространять полномочия верховного комиссара в Армении американца Гаскеля на Азербайджан и Грузию⁶⁶. Кроме того, был выдвинут проект о создании в Нахчыване американского генерал-губернаторства во главе с полковником Э. Дэли⁶⁷. Хотя американцам и не удалось в полной мере осуществить в Закавказье свои планы, к которым к тому же весьма ревниво относились Англия и Франция, тем не менее США оказывали большую финансовую и военную помощь Армении, которая в конце 1920 — начале 1921 года вела активные боевые действия против Турции в Карской области, что, впрочем, не спасло ее от политического и военного краха в тот период.

В условиях реальной угрозы большевистской оккупации всего пространства между Черным и Каспийским морями и Туркестана, создавшейся к весне 1920 года, слывший в Англии специалистом по Кавказу лорд Керзон предупреждал своих коллег по Кабинету министров: "Если контроль над Каспием будет утрачен, мы вскоре обнаружим, что вся наша Восточная империя зашаталась"⁶⁸. На совещании английской военной элиты, в котором участвовали военный министр У. Черчилль, фельдмаршал Г. Вильсон, первый лорд адмиралтейства В. Лонг и адмирал Д. Битти, состоявшемся 17 февраля 1920 года в Париже, куда были приглашены и члены делегаций закавказских государств, обсуждались вопросы их военного потенциала, а также, что весьма симптоматично, организация военно-морской обороны азербайджанского побережья Каспия и Батума⁶⁹.

Учитывая, что выход Красной Армии в Закавказье ставил под реальную угрозу геополитические интересы Англии на Ближнем и Среднем Востоке, Керзон предлагал усилить английский гарнизон в Батуме, направить дополнительные войска, в том числе и авиацию, на Кавказ или в Персию, обеспечить защиту Баку, осуществить поставки оружия Грузии и Азербайджану. Керзона поддержали В. Лонг и адмирал флота Д. Битти, также стремившиеся сохранить английский контроль над нефтью Персидского залива и Баку для нужд британского военного флота⁷⁰.

"Англичане, — сообщало французское радио в январе 1920 года, — лихорадочно завершают приготовления к посадке на суда десятков тысяч солдат для отправки на Кавказ. Между англичанами и большевиками происходит бег вразнос — кто скорее достигнет железной дороги Батум — Тифлис — Баку... Никто другой так жизненно не заинтересован в закрытии доступа на Кавказ, как англичане... Приз, к которому стремятся англичане, — это крупный нефтяной центр Баку"⁷¹. Однако в полной мере осуществить этот план не удалось, ибо войска были нужны прежде всего для "усмирения" Ирландии, укрепления позиций Англии в Месопотамии, Индии и Египте, а также для оказания

военной помощи Польше, которой угрожало вторжение Красной Армии, и др. Были лишь развернуты силы в районе Тегеран — Хамадан и размещены гарнизоны в Энзели и Гиляне.

Весной 1920 года военно-политические события в Закавказье развивались стремительно, а после разгрома деникинских войск и занятия Красной Армией (в марте) Ставрополя, Пятигорска, Армавира и Новороссийска они в корне изменили военно-стратегическую ситуацию в регионе. В стремлении установить свой контроль над нефтяным Баку, взятие которого, по словам В.И. Ленина, было "крайне, крайне необходимо", а также над всем Закавказьем, Советская Россия получила неожиданную поддержку со стороны кемалистской Турции, которая, в свою очередь, нуждалась в поддержке со стороны северного соседа для борьбы с Антантой. В первом же официальном обращении Анкары к правительству РСФСР — письме Мустафы Кемаля Ататюрка В.И. Ленину от 26 апреля 1920 года — отмечалось: "Если советские силы предполагают открыть военные операции против Грузии или дипломатическим путем, посредством своего влияния, заставить Грузию войти в союз и предпринять изгнание англичан с территории Кавказа, турецкое правительство берет на себя военные операции против империалистической Армении и обязывается заставить Азербайджанскую Республику войти в круг советского государства"⁷². Успешная Бакинская операция, осуществленная 27—28 апреля XI Красной Армией и Волжско-Каспийской военной флотилией (ВКВФ), привела к ликвидации независимости Азербайджанской Республики и установлению советского контроля над всем западным побережьем Каспийского моря, вплоть до Астары. Заключительным и весьма эффективным аккордом борьбы за Каспий стала Энзелийская операция ВКВФ, предпринятая в мае 1920 года.

В результате успешной десантной операции, проведенной 18 мая силами Волжско-Каспийской военной флотилии и Красного флота Азербайджана в районе Энзели, части дислоцированной здесь 36-й английской пехотной дивизии были вынуждены отойти к Решту. 23 корабля (боевые и торговые), 50 орудий, а также большое количество военного имущества были возвращены Советской России. 26 мая советские военные корабли покинули территориальные воды Ирана⁷³, а в начале июля англичане оставили Батум.

Таким образом, долгая и полная драматизма военно-политическая борьба за обладание Закавказьем и Каспием завершилась в пользу Советской России.

Эхо боев на юге Кавказа и Каспия, докатившись до Лондона, вызвало в правительственных кругах Англии нескрываемую тревогу за свои колониальные владения в Азии. Военному престижу Британской империи на Среднем Востоке был нанесен чувствительный урон с далеко идущими геополитическими последствиями. "Весь английский престиж теперь поставлен на карту, — отмечала лондонская "Таймс", — захват персидского порта Энзели является громадной угрозой, которая может заронить искру в легковоспламеняющийся материал, рассеянный по всему Среднему Востоку, от Анатолии до северо-восточных границ Индии"⁷⁴.

Хотя правительство Д. Ллойд Джорджа и взяло курс на налаживание торгово-экономических отношений с Советской Россией (впрочем, в то же время продолжая поддерживать Врангеля и Польшу), имперские амбиции Вестминстера, воинственные устремления Уайт-Холла и вождения лондонского Сити подталкивали английские круги к подготовке новых военных акций на Кавказе.

Осенью 1920 года западные державы надеялись столкнуть кемалистскую Турцию и Советскую Россию. В ноябре английская газета "Дейли геральд" писала: "Заговор о

создании нового фронта против России на Кавказе в полном ходу. Западные капиталисты не хотят отказываться от своих надежд на бакинские нефтяные богатства. Все антирусские газеты полны разговоров об опасности союза между Советской Россией и малоазиатскими турками под предводительством Кемалю. Но это делается для того, чтобы затемнить истинные намерения реакции. Действительная опасность заключается в секретном союзе между Кемалем и Антантой против России"⁷⁵.

Не достигнув военно-политическим путем своей основной геополитической цели на Среднем Востоке — укрепиться в Кавказско-Каспийском регионе — в начале 1920-х годов Англия стремилась путем сложных дипломатических маневров ослабить позиции Советской России в этом регионе. Так, заигрывая с новым кемалистским руководством Турции, в ходе переговоров с главой ее делегации Бекир Самибеем, состоявшихся в Лондоне в феврале 1921 года, правительство Ллойд Джорджа заявляло о своей готовности передать под турецкий протекторат все Закавказье, включая нефтепромыслы Баку⁷⁶. Однако в тот период английскую дипломатию подстерегали весьма серьезные неудачи: в феврале-марте Советской России удалось заключить договоры с Турцией, Ираном и Афганистаном, фактически укрепившие ее лидирующее геополитическое положение в Кавказско-Каспийском регионе. Огромное геостратегическое значение имела также советизация всего Закавказья и Туркестана, закончившаяся к весне 1921 года, после чего наступило военно-политическое затишье, продолжавшееся до Второй мировой войны.